

18+

Алексей Догадаев
Нас утро встречает прохладой

Маленькая повесть

Алексей Догадаев
Нас утро встречает прохладой.
Маленькая повесть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571991
ISBN 9785449676467*

Аннотация

Эта маленькая повесть скорей для тех, кто родился в 50–60-х, кто жил в незабываемое советское время. Буду рад, если и нынешнее поколение молодых это прочтет. Возможно, в какой-то мере, это будет вам интересно. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Алексей Догадаев

5

Конец ознакомительного фрагмента.

32

**Нас утро встречает
прохладой
Маленькая повесть**

Алексей Догадаев

© Алексей Догадаев, 2020

ISBN 978-5-4496-7646-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Догадаев

Нас утро встречает прохладой

моим самым близким – жене Людмиле,
моим детям – Юре и Маше

* * *

...я нажал на кнопку звонка и внутренне зажмурился: по идее отец должен мне врезаться сразу, хорошо бы устоять на ногах! Черт! Что я говорю?! Он же никогда не бил меня, с чего это я решил, что он мне врежет? И откуда эта готовность положить голову на плаху добровольно?

Было уже за полночь. Дверь распахнулась и... мама с сестрой повисли у меня на шее. Отец хмурился рядом, но по глазам я видел, что застенка миновал.

Вода в ванне стала грязно-бурового цвета, я поменял её дважды и, уже потом, отмокая в теплой, чистой прозрачности, отдирая с лица коросту с грязью и кровью, лихорадочно-спокойно соображал: «ну вот, спасибо, что не убили, а надо бы... Но это всё цветочки, Лёха! ягодки будут завтра! Хорошо бы не просыпаться!... никогда...»

* * *

А за неделю до этого мы сидели с Амбалом на задней парте на ГрОбе и кляли эту ненавистную школу, недоумков-учителей и обязательные линейки по утрам.

Серая мышинная форма. Домашние задания. Невыученные уроки.

«Дневник на стол! Садись! Два!»

За окном была весна, а у 10-го Б сдвоенная пара по гражданской обороне. ГрОб. Ядерный удар! Вспышка слева, вспышка справа. Нервно-паралитический газ. Всё, кранты! Ползи на кладбище. Вот уж действительно гроб!

Никуда от этой бомбы не денешься, чего тут сказки-то рассказывать?

Гробовщик тоскливо дул в свою дуду, его никто не слушал, каждый занимался своим делом. Девчонки красились, щебетали друг другу последние новости. В углу, под портретом Чернышевского, Санчос Луговской играл с Лашутой в шахматы, под Чеховым рубились в морской бой, под Горьким кто-то скатывал домашнее задание. Мне было лень даже списывать. Двоек по точным наукам было столько, что становилось страшно за свое светлое будущее. Иногда эти двойки даже снились. Однажды такая тварь приползла ко мне на подушку. В черном изогнутом клюве она держала голову нашей математички.

Мой дневник пестрел замечаниями родителям: «Примите меры! Ваш сын не желает учиться!». Учиться, действительно, не хотелось. Для себя я уже решил, что институт подойдет, поступать не буду – в армию! Обидно, конечно, но делать нечего, надо реально смотреть на вещи. Журфак мне не светит, это ясно, помимо бешеного конкурса еще две публикации нужны – а где их взять-то, эти публикации? В стенгазету написать? Про то, какой я примерный ученик?

Есть еще горный и гидрометеорологический в университете. Вроде бы интересно, но..! Опять физика и математика! Это без меня, ребята. Пойду в армию, а там видно будет... Я, может, французский, наконец, осилю! А что? Два года, большой срок. Поднапрягусь – и вперед! Потом и поступлю... может быть.

А вот сейчас надо эту чертову школу закончить! Экзамены! Придумал же кто-то. Ну, русский литература история – это все сдам, français – тоже что-нибудь скажу, а вот химия, алгебра и прочее тряхомудье... брр! Страшно подумать!

По понедельникам утром я, ответственный за политинформацию, сообщал о последних новостях страны. Школа, замирая от счастья, узнавала о миллионных надоях молока, о полных закромах родины, о полетах в космос и дальше.

Слушали все – от первого класса до десятого. Этим первоклашкам еще бы в куклы играть, а тут политика какая-то

непонятная. Ну, а нас, созревающих самцов, больше интересовали формы наших соседок по парте, нежели политическая информация. Почему-то в десятом нас в приказном порядке рассадили по схеме мальчик с девочкой: это, чтобы вы не отвлекались! Нормальная логика. Я тайно пялился на колленки своей соседки. И как тут учиться? На доску что-ли смотреть?

Девчонки одевались очень лаконично. Мини-юбка, комсомольский значок, да бантик в волосах – вот и вся одежда. Ну, платье школьное, конечно. Но из-за белых колготок его как-то не было видно – белые колготки затмевали все. Мода была такая. Остальное дорисовывало воображение.

Время мини. Юбки, не успев начаться, тут же заканчивались. Потом ноги и всё остальное. Я сидел за одной партой с Иркочкой Б., у которой все было на месте. Особенно грудь. Это было что-то! Вопрос бюста меня уже слегка тревожил.

Новости страны заканчивались маршем юных нахимовцев. Потом следовала секундная тишина и, после зловещей музыкальной паузы – это было вступление к песне «Бухенвальдский набат» – начиналось «В мире капитализма». Все это придумала директриса. А поначалу было не так.

Когда я готовил свою первую передачу, друзья-одноклассники, гнусно ухмыляясь, давали мудрые советы: «Лехан, назови Капиталистические джунгли или Трущобы и дворцы» – изощрялся Толик. «А еще лучше – В мире чистогана!» –

не отставал от него Виталька. «Долой капиталистических хищников!» – замыкал дискуссию Амбал.

– Да ну вас, умники! Никакого полета творческой мысли! Никакой фантазии! Все это есть в газетах! А вот что-нибудь свое, оригинальное!

– А чего там оригинального? Капитализм он и есть капитализм, так и назови – «Капитализм, как он есть», – поставил точку Лешка Попов.

– А что? Ничего. Может ты и прав.

И я пошел к директорисе. Она не одобрила нашего творчества:

– Назовем – «В мире капитализма», просто и ясно. А первая часть — «Новости страны». Идите, Алеша. В понедельник зайдите ко мне пораньше, я должна посмотреть то, что вы будете читать. И – напоминаю еще раз: не забудьте включить материал о Никарагуа, там сейчас очень беспокойно. Кстати, вам не мешало бы подстричься.

Музыку я записал заранее. Между блоками новостей должны были звучать короткие музыкальные отрывки – Чайковский, Рахманинов, немножко эстрады, конечно же, советской. А вот что вставить перед Миром капитализма? Ни «Песняры», ни Магомаев тут не катят!

Может Верди? Или Григ? Тоже ведь капитализм. Нет, надо кого-то их современных. А кто? Я и не знаю никого.

Да что я думаю-то? Beatles! Вот что надо ставить! Не советские? – Не советские! Капиталисты? – Капиталисты! Ну что еще? Да ничего! А Hard Days Night? Йе-еес! «Вечер трудного дня!»! Работал чувак целый день, устал, надо, говорит, отдохнуть с тобой, милая. Ну и нормально, как у нас – сначала все работают, потом отдыхают – выходной день. И прогнать надо, пожалуй, целый куплет. А закончит передачу Back in URSSR! Это идея, вперед!

В следующий понедельник битлы еще не успели допеть о возвращении в СССР, как в радиорубку кто-то стал ломиться.

– Кто? Чего надо?

– Лех, это я, тебя Мария зовет. Срочно.

Я открыл дверь. Андрюха Сокол, дежурный по школе, как-то ехидно улыбался. Наш класс сегодня дежурил, мне тоже нужно было заступать в столовую, где мы с ребятами собирались пошустрить по закромам кухни.

– Ну и чего ей надо?

– А ты не догадываешься? Я сижу в раздевалке, слушаю твой музон, балдею, а сам думаю – когда она его расстреливать начнет? На втором куплете вылетает из кабинета: «Срочно ко мне его!». Кстати, в класс зайди, она сказала – с вещами!

Где-то я это слышал: «с вещами»?

Я приоткрыл дверь в кабинет директрисы:

– Можно?

– Заходи! Встань сюда! – голос звенел стальными переливами. Прямо, как на демонстрации!

– Ученик 10-го Б класса Алексей Догадаев! Что это вы себе позволяете?! Я вас спрашиваю! Что вы. Себе позволяете?!

– Марисанна, а что....

– Молчать! Вас никто не спрашивает! Вам доверено проведение политинформации! То есть – политической информации! По-ли-тической! И что за музыку ты включил? Как ты мог додуматься заставить всю школу слушать этот заокеанский джаз?!

– Вообще-то, не заокеанский и, потом, на школьных вечерах мы же всегда...

– Не спорь со мной! Ты, что, думаешь, я не знаю откуда эти магнитофонные записи?! Ты что, меня за дурочку принимаешь?! В радиопередаче ты должен показать каков он – мир капитализма! Ты должен наглядно продемонстрировать разницу между двумя системами – социалистической и капиталистической! И что делаешь ты? Словно насмехаясь над нашими славными достижениями, ты заставляешь слушать всю, я подчеркиваю – всю школу, этих разнузданных псевдо-музыкантов!

В кабинет вошла биологичка, наша классная. По следу, что-ли, нашла? Или уже стукнули?

– Вот, Людмила Тимофеевна, очень хорошо, что зашли.

Поговорите, пожалуйста, с вашим учеником по поводу его, так сказать, выступления. Заодно, думаю, надо бы пригласить родителей в школу. Им опять есть, что рассказать! А вы, Догадаев, сейчас отправляйтесь домой – сегодня я отстраняю вас от уроков, а завтра придешь в школу подстриженным!

Мы вышли в коридор.

– Леша, ну ты, что, вообще? Ну и зачем ты это сделал? Только не говори, что не понимаешь? Опять вызов, да? И кому? Ты сейчас должен сидеть ниже травы после этого случая в колхозе. Тебе надо об окончании школы думать, понимаешь? Сдашь экзамены и слушай битлов хоть с утра до ночи!

Людмилу мы любили. Она была молодая и симпатичная. Мне она вообще нравилась – ножки, туфельки, свитера носила такие облегающие. И очки ей очень шли. Я всегда думал: когда она с мужем спать идет – снимает очки или нет?

– Но Вы ведь не против такой музыки, Вам нравится – я знаю!

– Да, нравится, конечно. Но не об этом речь. Не надо гусей дразнить, Алексей. Думай все-таки, прежде чем сделать что-либо подобное. Ида-ка ты сейчас, переделай этот свой Мир капитализма...

– Хорошо, Людмил-Тимофеевна, я поставлю старинную шотландскую песню «Налей полней бокалы»...

– Ой, Догадаев, иди давай, убью!

Она уже улыбалась. Я увернулся от ложного удара журналом по затылку и пошел переделывать мир капитализма.

Капитализм! Вот еще выдумали. Кто его видел-то, капитализм этот? Конечно, там страшно. В Центральном парке Нью-Йорка убивают каждый день – читал, знаю. Нет доллара – получи пулю в лоб! Оружие – на каждом шагу продается! Так пишут в газетах, а газетам я верил. Как не верить – напечатано ведь! Но получалась странная штука: газеты читать – там кошмар, а вот если посмотреть фильм какой-нибудь заграничный – никаких страхов, сплошная красота.

Дмитрий Васильевич рассказывал, что живут там, в общем-то, неплохо. Мой дядька часто бывал за границей – симпозиумы, конгрессы, с коллегами встречался. Дмитрий Васильевич – дядя Дима, муж маминой сестры. Он занимался ядерной физикой, работал в жутко закрытом институте на Украине. Каждый год, один из летних месяцев наша семья проводила в Пятихатках під Харківім, где жили наши родственники.

В академическом городке все были знакомы, общались помимо работы, дружили семьями, ходили друг к другу в гости. После очередной поездки за границу, у возвратившегося «оттуда» собирались близкие друзья. Приглашали и нас – гостей из Ленинграда.

Стрекотал кинопроектор, на белой стене мелькали фантастические кадры: Женева, Брюссель, Стокгольм...

Открытые кафе на улицах, за столиками читают газеты, там вон целуются...

...это на озере, видите, лебеди не боятся совершенно, можно кормить.., а здесь по всей улице цветами торгуют...

...а там – художники.., да, тоже вся улица, можно купить, свой портрет заказать..., да нет, не дорого, в пределах разумного...

...что? нет, это докеры, грузчики портовые, перерыв обеденный, кто-то остается – видишь, термосы достают, бутерброды... а эти – по домам! машины? так свои автомобили, сел и поехал...

Ну-у, не знаю. И верилось и не верилось. Как это – рабочий, работяга, грузчик в порту – на своей машине?! А голод? Пишут же, что голодающих в Америке полно, вон негритята какие худущие! А эти, денежные мешки, что делают! ну как это возможно: вылить тонны молока в реку? Или выбросить на свалку вагон апельсинов? Ведь все это можно раздать голодающим!

Или – безработица! Потерял работу – лезь на небоскреб и шагай вниз! А у нас – требуются, требуются... Любой завод – всё требуются. Токари, слесари, фрезеровщики, револьверщики...

... что за специальность такая? Сразу виделся ковбой в кожаных штанах с двумя кольтам... прядильщицы, мотальщицы... Непонятно, что делают эти револьверщики? Ну, ткачихи ткут, это ясно, прядильщицы – прядут, мотальщицы – мотают, а эти? Револьверят?

Иногда смотрели диапозитивы. Слово «слайд» тогда еще не вошло в словарь богатого русского языка. Говорили: «посмотрим картинки!». Картинки эти были цветными. И цвета какие-то необыкновенные! Венеция... Лондон... Hotel... швейцар в цилиндре, автомобили фантастических очертаний...

– Дядя Дим, а это кто?

– ...это мы на конгрессе в Женеве...

– ...мужчина этот, с которым вы разговариваете...

– Это профессор из Массачусетского Университета, толковый, кстати, мужик...

Толковый мужик был в джинсах. Меня поразило больше всего именно это. Не то, что он без галстука на конгрессе, как, впрочем, и многие, не то, что прическа у него была супермодная – волосы до плеч, а то, что этот американский старик был в джинсах, протертых на коленях! Это было выше моего понимания.

Годам, где-то к 14, политика стала вползать и в мою жизнь.

Как же так? У них там все за деньги! Это плохо. У нас – все бесплатно! Это хорошо. Но что-то не стыковывалось. В газетах и по радио одно, а в кино «Шербургские зонтики» – красиво и что-то не видно голодающих и этих, с плакатами во всю спину «Ищу работу».

Отец говорил: «Ты видишь, там все прогнило насквозь, там человек человеку — волк! Там – голод! нищета! там негров преследуют!..». Да, думал я, хорошо, что я здесь, газету как ни посмотришь – негров линчуют, ку-клукс-клан! Пап, – говорю, ну а как же этот фильм «Мужчина и женщина», мы же вместе ходили... там.. ну.. как-то все не так, как пишут, и вообще – красивые улицы, одеты все красиво...

– Вот-вот, красиво! Алеша! Это все пропаганда! И вот ты, кстати, думая, что там все так хорошо, льешь воду на мельницу американского империализма! Им только этого и надо! Тебя скосила автоматная очередь из-за океана! Ты, что, думаешь, твои длинные волосы – просто так? Твои подражания этим битлакам, этим уродам, что – просто так? Нет, сын, это куда более серьезно, это все оттуда тянется, так вот и растлевают вас, молодых..

– Пап, но почему уродам? Где ты видишь уродов?

– А что, по твоему, люди с такими прическами могут что-то иное, кроме, как бренчать на гитарах?!

– Они не бренчат! Они – играют! Это – музыканты! и потом – это же только музыка – и хорошая музыка, и мне эта

музыка нравится.

– А в Бухенвальде, между прочим, людей сжигали под музыку!..

– Ну что ты такое говоришь?! Как можно сравнивать? Так можно вообще, черт знает до чего, договориться!

В основном подобные споры начинались после просмотра моего дневника: двойки, замечания учителей, моя неуспеваемость перерастали в политику – я расшатывал устои социализма.

– А как же, Алеша? А ты как думаешь: если ты не закончишь школу и не поступишь в институт – ты не сможешь стать полноправным членом общества! Что, всю жизнь слоняться по подворотням с гитарой? С такими же, как ты, раздолбаями?

– Значит, если не институт, если просто рабочий – не полноправный член, да? Я, может, и не буду поступать, пойду на стройку или куда-нибудь в тайгу, на Север уеду..!

– Ну-ну, давай-давай! Тебя так прямо там и ждут! Научись сначала что-нибудь своими руками делать! «В тайгу, на Север!» – ишь ты, какой самостоятельный! Заработай сначала хоть копейку, профессор!

Он всегда вспоминал мне «профессора». В каком-то младшем классе после двойки по математике я запальчиво брякнул: «Подумаешь – двойка! Я, может, еще профессором

стану!»). Вот он и напоминал мне каждый раз.

В общем – тоска! В школе мрак сплошной, со всех сторон окружили, дома – чуть что: «сиди дома! никуда не пойдешь!», на улице – «Партия – наш рулевой!». Ни кафе на улицах, ни лебедей в прудах, ни швейцаров в цилиндрах. Как жить-то?

* * *

И вот сидим мы с Амбалом и думаем: а что бы такое сотворить!? Сотворить, начудить – чтобы все вздрогнули! Надоело всё! На-до-е-ло!

Что? Что придумать?

– А давай из дома свалим, чтоб нас долго искали! Куда? А хрен его знает куда! Там придумаем... Ну, куда-нибудь на юг, где тепло, Грузия или Таджикистан какой-нибудь, найдем где подработать можно. А что? В колхозе или... черт его знает, там же виноградники, поля и прочие пастбища. А хлопок? Его ведь тоже собирать надо!

– Ну ты даешь! Эти сборы все по осени.

– Ну и ладно, до осени продержимся, будем амбары строить и арыки рыть. Или метро, например, в Туркмении. А еще можно учителем в школу – чурок ведь тоже надо грамоте обучать.

– Ага. Особенно французский им нужен.

– Зачем французский? Для них русский – иностранный, вот я и займусь.

– Ну вот видишь, все и решили, Лехан. Ты будешь русский и литературу, а я... А я, наверное, гражданскую оборону, очень я хорошо предмет этот знаю.

Он напялил на себя противогаз с оторванным шлангом и загудел оттуда утробным голосом.

Толян с Виталькой – они сидели впереди – уже давно тихо ржали, слушая наши бредни.

– Толик, ты с нами? Тогда с математикой в Средней Азии порядок. Линейку не забудь логарифмическую!

– Виталь, ты физику? Пару лампочек Ильича прихвати с законом Ома...

– Придется из бабцов кого-нибудь брать: домоводство вести, паранджу вышивать крестиком...

– Ну-ну, как бы они вам там звездочки ятаганами не вышили в некоторых местах!

Мы шутили и дурачились. Я поглядывал на Вовку и видел, что шутки шутками, но настроен он вполне серьезно. Ну а что? может действительно послать все подальше?

Рискнуть?

Он, наконец, посмотрел на меня в упор: «Леха! Так как? Ты идешь? Или – нет?».

Зазвенела перемена и мы рванули.

Когда выскочили из дверей школы, чтобы разбежаться по домам и прихватить что-нибудь в дорогу, «всё стало вокруг голубым и зеленым» – а ведь это серьезно! Мы ведь решили! И, что, назад дороги нет..?

...почему – нет? Откажись, скажи, что передумал, что, мол, ну и так далее...

Черт! Ну как специально! Я забыл ключи от квартиры! Мама работала в школе недалеко от дома – ну, что ж, думаю, вот и попрощаюсь.

Пришел. Двери в класс стеклянные – увидела, конечно же, не обрадовалась – от урока отрываю.

– Что, Алеша, в чем дело? – Лицо каменное.

– Мам, я ключи дома оставил, а мне дневник нужен.

Когда ученика посылают домой за дневником, забытым дома, ясное дело не для того, чтобы поставить пятерку. Мама это тоже хорошо знала.

– Держи. Ладно. Дома поговорим.

– До свиданья, мама...

Что-то промелькнуло в её глазах. А может в моих...?

Да пропади всё пропадом!

Я влетел в квартиру и с размаху грохнул портфель об пол: «Ну, что, допрыгался?! И что теперь делать? Налей полней бокалы? Или – отговорила роща золотая? Если я сейчас не решусь, то не решусь никогда! Ну давай, думай! Страш-

но, да?»

Телефон зазвонил, как залаял. Будто бешеный пес сорвался с цепи. Кто? Какого черта? Только бы не отец...

– Леха, ну что? Ты где? Идешь-нет?

– Да-да..., сейчас..., уже выхожу, сейчас буду!

Ну вот и ладно, вот и хорошо! Спасибо тебе, Вовка! Если б ты не позвонил...

Я двинулся на кухню собрать что-нибудь из еды. Так, брикеты: суп гороховый..., кисель... не, кисель не надо... каша перловая, пшено – это пойдет... кильки в томате... ливерная колбаса. Ладно, хватит, хлеба вот еще полбуханки... спички... соль...

Ну что ещё? Всё? Носки, свитер... Да, надо что-то написать... Я смотрел на чистый тетрадный лист, карандаш дрожал в руке. Лист смотрел на меня. Что писать-то? В голову лезла какая-то чертовщина: Мцыри... объем цилиндра... Тихий Дон... логарифмы... Нет так нельзя! надо уходить, а то свихнусь точно! Планы партии – планы народа! Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи! Да что ж это такое?! Да отстаньте вы все от меня! Где эта бумажка?

«Я ухожу. В школе всё равно не учусь. Я»

Ну, вот и всё. Я захлопнул за собой дверь.

Когда я пришел к Амбалу, он всю занимался рыбалкой. Дома у них был большой аквариум, где, помимо рыбок и водорослей, на дне спали десятка полтора «мерзавчиков»

с коньяками различных наименований – подарки его отцу. Наивный папа полагал, что все они девственно-нетронутые, однако, Вова уже выхлебал половину, заполнив пустые крепким чаем. Сейчас же он сосредоточенно выискивал невыпитые, переливал их в кружку и нагло ставил пустые бутылочки по периметру аквариума.

– Ну что, ты как? Нормально?

– Поехали, Амбал, давай скорее свалим отсюда, а то...

– Идем-идем, только сначала выпьем! За успех нашего безнадежного дела! Ур-ра!

Он разлил по стаканам тайны аквариума, мы стукнулись доньшками: За удачу!

«Жидким золотом тек коньяк, джин сверкал, как аквамарин, а ром был воплощением самой жизни».

Мы вышли на улицу. Весна, тепло. Апрельское солнце улыбается. На перекрестке звякнул трамвай, жизнь, в общем-то, продолжалась. Никому не было никакого дела до нас, никто не спрашивал куда мы направляемся. Ну и ладно, пошли вы все..!

После коньяка настроение заметно улучшилось. Миновав трамвайную остановку, незаметно для себя, мы направились к «Гастроному».

К десятому классу мы уже достаточно прочно приобщи-

лись к выпиванию. «Агдам», «Белое крепкое», «777», «Хирса». Так называемые портвейны. Названий было больше, чем предметов в школе. Цены на все виды бормотухи мы знали, как таблицу умножения.

Родина лениво покачивалась на волнах алкоголя.

Мы вошли в магазин. На нас смотрели плакаты. «Пятилетке качества – рабочую гарантию!», «Тунеядцев к ответу!», «Требуются: слесари, токари, фрезеровщики»...

Кто последний?

Мы заняли очередь в кассу.

– У тебя что?

– Да вот, треха с мелочью.

– Нормально, у меня пятерка. Не бойсь, Леха, проживем!..

– Что берем-то?

– Ну вон, видишь, «Волжское» есть, или «Солнцедар» по два-две... фугасы все-таки.

– Ладно! Давай пару возьмем – бомбу и чего-нибудь легкого, сейчас махнем, вон сироп этот – «Дары осени». Эти дары вообще 16 градусов, как лимонад, дальше посмотрим.

«Покупатели в рабочей одежде не обслуживаются!»

Под суровым плакатом работяга в брезентухе и кирзачах, облепленных глиной, протягивал грязную ладонь:

– Мужики, бя, добавьте двенадцать копеек, на флакон, бя, не хватает, такая херня случилась...

– Ты, ёпть, штиблеты бы помыл, а то мы тут все, ёпть, в чистом, а ты, ёпть, как из лужи вылез! Запачкаешь! – в очереди беззлобно посмеивались, мужику протягивали медяки. Почти все были в рабочих спецовках.

А что? – нормально, время обеда.

Мы расположились за «стекляшкой» на ящиках. Со всех сторон слышалось стеклянное звяканье, бульканье и негромкие матерки выпивающего пролетариата.

Вовка достал бутерброды и стакан.

– Ну ты молодец, Вован, запасливый, я чего-то про стаканы не подумал. И бутеры сейчас в самую тему!

– Лехан, главное, что я подумал, так что – цени!

Стакан был пластмассовый. Высокий такой, с рифлеными полосками. Класс! Хотелось положить его в карман и просто носить с собой.

– Вовка, откуда?

– Дак, батька приносит. У них ведь, знаешь, на работе все время эти буржуазные штучки появляются.

Буржуазные штучки были очень симпатичными. Амбал всегда показывал новые поступления: то ручка шариковая немислимых расцветок, то брелок невообразимой красоты, то зажигалка, глядя на которую хотелось просто умереть!

И почему так? Там все время что-то выдумывают, а у нас

спички Чудновской фабрики, чернильница-невыливайка да нож консервный с тупым жалом!

Получаем как-то посылку из Харькова от родственников наших. Ну, разумеется, в посылке всякие штучки «оттуда», дядя Дима привез.

Открываем, смотрю. Консервы. Sardine. Prodotto in Могоссо. Ну, тут и дурак поймет, что это и откуда. Дело не в этом. А в том, что сбоку на банке ма-аленький такой ключик, его начинаешь крутить – и наматывается на него лента металлическая, банка открывается и – пожалуйста, кушайте на здоровье! И никаких открывашек! Придумают же, гады! А кофе?! Просто порошок коричневый. Насыпаешь пару ложечек, заливаешь кипятком – пожалуйста, кофе!

Я вспомнил, как пил чай на самолете. Мне было 12 лет. Впервые я летел один. Да и, вообще, летел – впервые. Отец посадил меня в Аэропорту, а в Одессе мама с сестрой должны были меня встретить. Первый раз на Черное море!

Стюардесса принесла обед. Черт! Может платить надо? Мне об этом ничего не говорили. Рискну...

«Кофе? Чай?».

Я ответил: «Чай...».

Принесли чашку с кипятком и пакетик на нитке с картонным квадратиком. Надпись гласила – «Аэрофлот». И всё. Никаких инструкций.

Я посмотрел по сторонам – все пили что-то другое. Ну ладно, разберусь... Пакетик оказался очень крепким, мне пришлось зубами разорвать его. Я высыпал чайные крошки в чашку, они тут же всплыли наверх и никак не хотели утонуть. Пластмассовая ложечка была облеплена черными точками, как муравьями. Чаю мне больше не хотелось...

Вот идиоты! И кто это только придумал?!

Разбавив коньяк борматенью, мы почему-то оказались на Финбане. И как это мы умудрились? Видимо, коньяк с бормотухой сделали свое дело. Финляндский вокзал предполагал северное направление.

Мы сидели на скамейке под памятником Ленину.

– Ну что? едем?

– Едем-то едем..., только вон Ильич, смотри, куда показывает – на юг!

– А мы пойдем другим путем! И вообще, подумай: нас искать будут там, на югах, а мы – на север, понял?

«За... бал ты своей логикой! Пусть уж лучше сразу найдут!». Хмель выветривался, настроение у меня угасало. Куда едем?! Зачем?..

...в той посылке были не только марокканские сардины. Ни бразильский кофе, ни немецкие консервы, ни французская парфюмерия, которую с восторгом рассматривали мама с сестрой, меня не интересовали. Был там сверточек, неброс-

кий такой, с надписью «Алеше».

Когда я открыл его и достал эту рубашку, я понял, что вся жизнь моя до сегодняшнего дня, была никчемным глупым идиотизмом.

Сорочка была голубого цвета с тончайшими темно-зелеными продольными полосками. Цвет её был... не васильковый, нет, не бирюзовый, не морской... он был, вообще, какой-то неземной. Такого цвета, наверное, глаза у ангелов.

Воротник был на пуговицах! На закругленных манжетах их было по паре! А сзади, на воротнике красовалась еще одна!

И все эти пуговики были с четырьмя дырками!

Лэйбл внутри говорил о том, что это Made in France. Остальной текст хотелось просто повесить на стенку. Как картину.

На кармане с левой стороны тонкой шелковой нитью черного цвета какими-то рыцарскими вензелями была вышита буква А.

Вообще-то, она не была модной для того времени – широченные клеша, длинный воротник рубашки и штилеты-платформы невообразимых цветов были визитной карточкой. В этом ходили все.

Но был еще и высший пилотаж: такая вот скромная рубашечка с воротником на пуговках, брюки простые – никаких клешей! И ботинки, желательно, замшевые. Не фабрики «Скороход», разумеется. Хотя бы румынские. Про итальян-

ские я уж молчу.

Но это для тех, кто понимает. А я – понимал.

– Какая красивая! – сказала мама, – давай-ка я её уберу, не на каждый день, ведь!

Папа не сказал ничего. Он только вздохнул.

* * *

Мы сидели в электричке.

За окном неслась страна.

Солнце скрылось. Мелькали невзрачные домики, кривые заборы, бурые лужи на перекрестках, серые лица... Здесь, за городом, снегу еще было полно – грязного, унылого, обсыпанного черной гарью.

Амбал достал «фугас». Мы по очереди приложились к бутылке.

– Леха, давай-ка пойдем покурим, эти мрачные пейзажи не настраивают меня на философский лад.

– А чего ты хотел? Пальмы с вишнями?

– А почему бы и нет? Ты, что, их видел?

– Ну, не знаю. Думал в море каком-нибудь искупаемся... теплом. А вот едем хер знает куда, там же одни леса, на Карельском, чего там ловить-то?

– Ладно, не ной, пошли!

Я уже достаточно забалдел от выпитого.

В голове роились картинки: мама хватается за сердце,

отец сидит на телефоне по своим милицейским делам... в воздух поднимаются веролеты, нас ищут... Фотографии расклеены. Все на поиск пропавших!. Тьфу ты, черт! Совсем рехнулся!

– Вовка, как думаешь, нас уже ищут?

– А что, уже хочешь..?!

– Да нет, я просто...

– Ну и молчи тогда. Только не ссать, понял, да?! Пошли...

В тамбуре курил мужик лет сорока. Он посмотрел на нас коротко, но внимательно.

– Дядя, извини, можно пару сигарет стрельнуть у тебя? – Вовка не стеснялся в общении. Курево у нас было, но, почему бы не добавить?

– Держи, племянничек, этого добра не жалко.

БИЧ – подумал я. Весь какой-то застиранный, в заплатках и поношенных одеждах, но в то же время – чистый и аккуратный.

– Махнешь с нами?

– Спасибо, ребята, я больше по водке упражняюсь, у меня есть. Можем чокнуться за компанию.

Он вытащил «маленькую».

Мы хором выпили.

– Куда путь держим, земляки? Хотя... хотя, думаю, и так всё понятно – оставили родительский кров и пустились в странствия?

– Да не, мы это... по делу в общем...

– Ладно, не гони, на вас и так всё нарисовано, не вчера родился.

– Ну да, вот решили. Надоело всё!

– Понятно. Думаю, что понял... только школу бы закончили, вы в десятом, наверное?..

Мы разговорились.

Стучали колеса. Табачный дым витал в тамбуре. Собственно, говорили в основном Амбал с незнакомцем.

– Ну, хорошо, Сергеич, вот ты говоришь – там лучше. А что именно? Там же безработица, нищие... вон Леха, красный агитатор, каждую неделю про ужасы капитализма рассказывает, я вот тоже читал, что...

– А ты не читай это. Я же не говорю, что там – лучше. Ещё не был, не знаю. Но там уважают человека, личность. Вы бы почитали то, чего нет в газетах... хотя, не найдете вы этого, а у меня нет с собой... И потом, понимаете, ребята...

Он разговорился, стал мерить шагами узкий вагонный тамбур, звучало – «права человека».., «свобода слова».., «демократия»...

Я слушал эти разговоры и думал как мне исправить двойки по алгебре. В алгебре я ничего не понимал, но светила пара в четверти, а четверть эта последняя, выпускная. Что, со справкой, что-ли, из школы? Не хотелось бы.

А рубаху – жалко! Она-то здесь при чем? Отец порвал её

в ключья. Я надел этот небесный подарок всего пару раз – в университет на курсы да на школьный вечер с танцульками. Тогда и углядел меня Колька Граф, известный в наших дворах, фарцовщик. Не меня углядел, конечно, – рубашку. «Леха, – говорит, – тебе этот прикид ни в пи..ду, ни в Красную армию. Пошли в спортзал, переоденешься. Тебе – свою отдаю, бесплатно. А эта – моя. Тебе «чирик» Он говорил так, как будто все давно уже было решено.

Я отказался. Тогда я уже научился говорить «нет».

Мы бухнули с ребятами, потом появились какие-то девки. Одну я пошел провожать, долго терлись в парадной, и я припелся домой чуть ли не в час ночи. Отец ждал меня. Конечно, он усек, что я бухой – слишком громко раздевался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.